

*Т. Ленц**

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЕКТ НАПОЛЕОНА

«Одной из главных моих идей было сплочение, соби́рание тех географически близких народов, которых разъединили революции и политика [...]; я хотел бы сделать из всех этих народов единое и неделимое тело нации. Что может быть красивее – возглавить такой кортеж, прославившись в веках и снискав благодарность потомков! Я ощущал себя достойным этой славы! [...] В Европе [нет] другого варианта прочного равновесия, кроме агломерации и конфедерации великих народов». Так в одной из бесед на острове Св. Елены Наполеон описывал «свою систему», как он обычно ее называл¹. Если верить его словам, данный проект имел целью объединение Европы, причем движущей силой этой поступательной интеграции должна была стать Франция.

Оказавшись в ссылке, первый император французов решил, наконец, уточнить свои намерения. Прежде он был не слишком-то склонен это делать. Самое большее, что мы имеем, это несколько его публичных высказываний. Например, после Тильзита он заявил Законодательному корпусу: «Франция связана с народами Германии законами Рейнского союза, а с народами Испании, Голландии, Швейцарии и Италии – законами нашей *федеративной системы*»². Позже, в преамбуле к Дополнительному акту от 22 апреля 1815 г., он подтвердит, что всегда имел целью создание «большой европейской *федеративной системы*», которую считал «соответствующей духу времени и благоприятствующей прогрессу цивилизации». Больше мы практически ничего не узнаем о том, чем должна была быть или могла бы стать такая «федеративная система». Добавим даже, что факты почти всегда опровергают эти внешне благородно-мечтательные утверждения побежденного императора, а за красивыми словами стоит чистой воды прагматизм.

Если у Наполеона и было намерение «федерировать» европейские народы, то есть создать из них некое равноправное объединение, то он скрыл это как от других континентальных держав, так и от самих европейских народов. Конечно, он не рассчитывал создать «всемирную империю», так как был слишком большим реалистом, чтобы питать подобные несбыточные иллюзии. Но будучи прагматиком, он не хотел связы-

* *Тьерри Ленц, директор Фонда Наполеона.*

¹ *Las Cases. Mémorial de Sainte-Hélène. P., 1951. 11 novembre 1816.*

² *Le Moniteur. 1807. 17 août. (Подчеркнуто нами. – Т.Л.)*

вать себе руки жесткой доктриной. Часто он просто брал на вооружение какие-нибудь стандартные принципы, унаследованные от традиционной политики Франции XVIII века: англофобию или стремление «спрямить» границы Германии и Италии. В остальном же он не желал вносить ясности в свои планы. Это кончилось тем, что прагматизм стал для него помехой, поскольку международное сообщество всегда нуждается в некоторой системе координат.

Так, например, Наполеон был неспособен к углублению имевшихся союзов и, что еще хуже, часто менял союзников. Он не всегда соблюдал подписанные им же самим договоры. Он проявлял двусмысленность в вопросах «нации», в зависимости от того, о какой нации шла речь – польской, немецкой или итальянской. Наконец, он просто смешивал все карты, учреждая королевства для членов собственной семьи³.

Он не уточнял, каковы высшие цели Франции или конечный смысл «системы», из-за чего создавалось впечатление, что власть Империи означает просто-напросто эксплуатацию завоеванных территорий, даже несмотря на то, что, с другой стороны, эта власть вызвала к жизни глубокие и благотворные реформы на всем континенте. Подобная неопределенность лишь усиливала беспокойство держав и облегчала задачу британской дипломатии – сторонницы европейского «равновесия» и противницы любой «континентальной» системы.

С учетом сказанного, дать характеристику *европейскому проекту* Наполеона будет непросто, особенно в ограниченных рамках статьи. Попробуем сделать это, также с известной долей прагматизма, в форме ответа на три вопроса: как вписывался этот проект в «геополитический» контекст и в дипломатические традиции? на каких принципах он основывался? и почему он провалился?

1. Наполеоновский проект и геополитика

Наполеоновскую систему часто сводили к одним лишь войнам и завоеваниям. Между тем за двадцать пять лет Революционных и Наполеоновских войн Европа не просто оказалась разделена на два лагеря. Если бы это было так, то общая антифранцузская коалиция сформировалась бы задолго до 1813 г. В действительности же на протяжении целого ряда лет «старым монархиям» была на руку французская гегемония, позволявшая им проводить собственную политику и стоявшая на страже их интересов. Если и были отдельные случаи «сопротивления», то им предшествовали или даже сопутствовали отно-

³ Grab A. Napoleon and the Transformation of Europe. N.-Y., L., 2003. P. 19.

шения в духе «коллорационизма»⁴. Франция же, со своей стороны, пыталась использовать взаимные разногласия между державами для утверждения своего преобладания на континенте, которое нередко интересовало ее больше, чем вопросы идеологии.

Международные отношения в Европе в период с 1800 по 1814 г. не сводились к тому, чтобы быть *за* или *против* Наполеона. Однако то, что император французов контролировал значительное политическое пространство, а его действия в течение пятнадцати лет служили двигателем европейского концерта, объясняет, хотя и не оправдывает, тот факт, что в историографии этого периода явно недостаточное внимание уделено другим частям «пазла» межгосударственных отношений.

«Дипломатическое искусство» XVIII в. отнюдь не утратило тогда своего значения, тем более что геополитические реалии не были поколеблены ни Революцией, ни Империей. Так, в период с 1800 г. по 1815 г. государства-анклавы, со всех сторон окруженные другими государствами, таковыми и оставались; острова по-прежнему были окружены морем; монархи продолжали лелеять мечты о «правильной» территории, а их стремление контролировать природные ресурсы и важнейшие пути сообщения никуда не исчезло. Точно так же не следует забывать о неизменности амбиций, страхов и традиций: амбиций Франции раздвинуть свои пределы до «естественных границ», Англии – ограничить влияние великих держав на континенте, России – получить выход к Средиземному морю, Австрии, Англии и Франции – помешать ей это сделать и т.д.

И все же иногда можно слышать: дескать, после Французской революции, наследником и экспортером которой стал Наполеон, всё изменилось. Но так ли это?

Подобная интерпретация имеет два недостатка. С одной стороны, она заставляет принять как данность то, что единственной стратегической целью революционеров было «освобождение» народов, с другой – выставляет последствия наполеоновских завоеваний их причиной. Но история революционной дипломатии не сводится к провозглашенным *принципам* и благородным мотивам, точно так же как имперское правление не может сводиться лишь к завоеваниям и стремлению к гегемонии.

Дипломатические цели, заявленные революционной Францией, выглядели благородно. Поскольку у великой нации не было иных территориальных амбиций, кроме собственных «естественных границ»,

⁴ Так называется одна из глав книги Майкла Броэрска: *Broers M. Europe under Napoleon. 1799–1815. N.-Y., 1996. P. 99–101.*

она намеревалась повсюду применять или вводить «право наций на самоопределение»⁵. Эти два базовых принципа остались в значительной мере простой декларацией о намерениях, тем более что в некоторых отношениях они были антиномичны. В самом деле, как именно предполагалось обеспечить декларируемое право народов для жителей левого берега Рейна, Бельгии или юго-востока страны (Авиньон, Ницца, Савойя) – территорий, подлежащих аннексии как раз во имя торжества теории естественных границ?

Будем реалистами: активное внедрение этой теории в дипломатические отношения было связано не только со стремлением объединить под общим знаменем революционеров из сопредельных стран; эта теория отвечала также экономическим и стратегическим интересам Франции.

В конце периода Директории французские «цели ведения войны» претерпели серьезные изменения. Борьба с тиранами отошла на второй план, естественные границы остались далеко позади, а права народов интерпретировались избирательно.

Аннексии территорий начались гораздо раньше⁶. Причем, как показало создание «братских» республик в Италии, Голландии и Гельвеции, право народов на самоопределение признавалось прежде всего за революционерами – друзьями Французской республики⁷. В остальном же французская дипломатия практически вернулась к классическому раскладу отношений между державами.

Наполеон не был склонен ограничиваться естественными границами и не был убежден в осуществимости права народов на самоопределение, которое к тому же шло вразрез с его собственными планами. А потому он не был наследником революционных *теорий*; скорее он был продолжателем той *реальной* политики, которую проводили революционеры и прежде всего деятели Директории.

⁵ Этот принцип был провозглашен в речи Мерлена из Дуэ 28 октября 1790 г. «О внешней политике Франции». – см.: *Lentz Th. De l'expansionnisme révolutionnaire au système continental (1789–1815) // Histoire de la diplomatie française. P., 2005. P. 409–505.*

⁶ Авиньон и Конта-Венессен (1791), Савойя (1792), Ницца (1793), Бельгия (1795) и Женева (1795). Что касается земель по левому берегу Рейна, то хотя окончательное присоединение их состоялось лишь в 1801 г. по Люневильскому миру, они уже несколько лет как считались французскими.

⁷ О «братских» республиках см.: *Harouel J.-L. Les Républiques sœurs. P., 1997 ; Vovelle M. Les républiques sœurs sous le regard de la Grande Nation. 1795–1803. De l'Italie aux portes de l'Empire ottoman, l'impact du modèle républicain français. P., 2000. О внешней политике Директории см.: Belissa M. Repenser l'ordre européen (1795–1802). De la société des rois aux droits des nations. P., 2006. P. 291–297.*

2. Основопологающие принципы проекта

Как же функционировала «наполеоновская система» в этом геополитическом, дипломатическом и идеологическом контексте?

Начнем с замечания, на котором, увы, у нас нет возможности остановиться подробнее: дело в том, что эта система не была только лишь «континентальной»⁸. В самом деле, несмотря на превосходство британского флота, ряд поражений, понесенных французскими военноморскими силами, и потерю колоний, Наполеон никогда полностью не отказывался от идеи достижения господства на море с целью эксплуатации заморских владений: об этом ему постоянно напоминали и упадок берегового и портового хозяйства, и необходимость хотя бы частично восстановить колониальную торговлю, и продолжение тотальной войны против Англии. Да, он отдавал предпочтение политике на суше, но лишь потому, что вынужден был соотноситься с существующими реалиями. Не следует недооценивать данный фактор при анализе внешней политики Наполеона, даже если из-за слабости имперского флота этот фактор и отошел на второй план, а приоритетом внешней политики стало *континентальное* господство.

Такое господство мыслилось Наполеоном в виде трех концентрических кругов: первый, центр всего, составляла Французская империя; второй – марионеточные королевства, третий – система союзов с другими европейскими державами.

Первый круг – Французская империя – в то время включал в себя добрую треть Европы с населением около 44 млн. человек, проживавших на территории как собственно Франции, так и Бельгии, Голландии, Германии по обе стороны Рейна, Северной Италии, Каталонии и современной Хорватии. Все они отныне считались французами и должны были подчиняться французским законам.

Второй круг можно было бы назвать «братскими королевствами», пришедшими на смену «братским республикам» предшествующего периода. После возврата к монархическому устройству «новый Карл Великий» задумал распространить принципы империи и кровь Бонапартов на всю покоренную им Европу: в его представлении, это было гарантией сохранения системы. В течение нескольких лет его родственники заняли целый ряд европейских престолов: Жозеф Бонапарт водворился в Неаполе, а затем в Испании; Луи – в Голландии, Жером – в Вестфалии, Мюрат – в герцогстве Берг, а затем в Неаполе. Евгений

⁸ Подробнее см.: Nouvelle histoire du Premier Empire. Т. 3. La France et l'Europe de Napoléon (1804–1814). P., 2007. P. 694–698.

Богарне правил от имени своего отчима в Италии. Элиза стала великой герцогиней Тосканской, Камилл Боргезе, муж Полины, – генерал-губернатором французских Заальпийских департаментов. После отъезда Мюрата на юг Италии титулованным великим герцогом Берга становится малолетний принц Наполеон Луи Бонапарт, сын Луи Бонапарта и Гортензии Богарне.

Но эти королевства не были независимыми. Наполеон оставлял за собой право назначать и смещать королей. В администрации и законодательстве он навязывал им французскую модель. А главное, он ставил на поток и разграбление их экономику, руководствуясь исключительно интересами Империи. «Сделайте же своим девизом: Франция превыше всего», – писал он Евгению Богарне⁹.

Третий круг составляла система союзов. Здесь Наполеон проявлял непоследовательность и часто менял свою позицию. Он знал: для того, чтобы установить тотальный контроль над материковой Европой, ему нужно было заручиться поддержкой – если не дружбой – еще одной великой державы. При выборе альянсов он колебался и часто шел на попятную. Он никогда не рассматривал всерьез возможность равноправного соглашения с Испанией, Пруссией или германскими государствами (что, вероятно, было его большой ошибкой); морочил голову полякам своими метаниями из стороны в сторону; прагматически относился к традиционному альянсу Франции с Османской империей, но придавал большое значение созданию одного за другим двух мощных международных союзов: с Россией на основе Тильзитских соглашений – союза, который порою оптимистично называют «разделом мира»¹⁰; и с Австрией в результате брака с дочерью австрийского императора Марией-Луизой. Эти два проекта «третьего круга» находились между собой в противоречии. Несмотря на согласие в вопросе о разделах Польши, русские и австрийцы были почти врагами или, по меньшей мере, естественными противниками, ибо Австрия преграждала России путь к Средиземному морю, мешала сколько-нибудь значительному ее продвижению на Балканах и боролась с ней за влияние в Германии.

Итак, система наполеоновских владений строилась на двух значениях слова «империя»: во-первых – «господство» (*империя французов на континенте*), во-вторых – «институт» (*Французская империя*). Она как

⁹ Письмо Наполеона – Евгению Богарне от 23 августа 1810 г. – *Correspondance de Napoléon publiée par ordre de l'Empereur Napoléon III*. P., 1858–1869. № 16824.

¹⁰ *Casaglia G.* Le partage du monde. Napoléon et Alexandre à Tilsit. P., 1998.

нельзя лучше иллюстрировала определения понятия «империя», которые можно встретить в теоретических трудах¹¹.

Созданное образование характеризовалось исключительно большой *территориальной протяженностью*: оно включало в себя земли, выходившие далеко за пределы собственно «Франции». Пространство это имело многоуровневое устройство, в основе которого лежала степень зависимости частей от центра, а целью его существования было создание на этой основе «подлинной цивилизации».

Принято считать, что оборотной стороной постоянно корректировавшегося дипломатического проекта, направленного на установление французского преобладания в Европе, стала «модернизация» Наполеоном всех тех государств, которые оказались под его пятой в результате завоевания. Вероятно, именно это обстоятельство смягчает в глазах потомков впечатление от конечного провала его эпопеи. Возможно, здесь сказывается и такая примечательная особенность созданной им «системы», как чувство превосходства французов, основанное на сделанном ими выборе в пользу общества, рожденного эпохой Просвещения и Французской революцией. Этим комплексом страдали очень многие представители французской элиты, как следует из текста, автором которого был посол в Баварии Отто. В мае 1808 г. он с нескрываемым, но, как показало время, неоправданным оптимизмом писал: «Вся баварская администрация убеждена, что это королевство, тесно связанное с Францией самыми священными политическими узами, должно уподобить все свои институты нашим; [оно] воспользуется нашим опытом и при этом не испытает тех потрясений, которые предшествовали славному правлению Его Величества Императора»¹².

Здесь Наполеон предстает человеком XVIII столетия, хотя после своего падения он станет поистине романтической фигурой. Его принципиальное стремление отменить сеньориальные порядки, осуществить гражданское равенство и добиться рациональности в принятии административных и финансовых решений не подлежит сомнению. Эта структурная «французская» модель была дополнена и другими элементами, такими как введение метрической системы, единых мер и весов, а также французского языка: это были факторы, способствовавшие если не объединению, то, по крайней мере, сближению членов созданной им системы. Остается выяснить, какими методами осуществлялись все

¹¹ См., например: Les empires occidentaux de Rome à Berlin / Sous dir. de J. Tulard. P., 1997.

¹² Цит. по: *Dunan M.* Napoléon et l'Allemagne. Le système continental et les débuts du royaume de Bavière. 1806–1810. P., 1943. P. 121.

эти меры, какое сопротивление они встречали и какой результат имели, но также оценить, насколько уместно было просто взять и перенести данную модель в большинство государств Европы, которая, надо сказать, на начало XIX в. отличалась весьма значительным «плюрализмом». Кроме того, нельзя игнорировать и важнейшую стратегическую ошибку Наполеона: помимо своей политики территориальной экспансии, своей «силовой» дипломатии и стремления навязать другим народам французские порядки, император вздумал дополнить территориальную и политическую гегемонию установлением экономического господства, почти полным подчинением всего остального материка интересам обслуживания французской промышленности. Именно поэтому то, что до сих пор представляло собой неудобство, которое приходилось терпеть его вассалам, сторонникам и союзникам, отныне стало для них просто невыносимо.

В этом смысле, нельзя сказать, что Континентальная блокада стала инструментом европейской интеграции и что она смогла сыграть роль «общего рынка». Вопреки некоторым фактам, приводимым в пользу такого утверждения (строительство трансъевропейских дорог и каналов, обобществление морских судов, тенденция к установлению единых мер и весов), целью этой системы запретов и контроля было, конечно же, благоприятствование французским торговле и производству в противовес английским, но также в ущерб другим европейским товаропроизводителям. Не было и речи о том, чтобы открыть французские границы, снизить таможенные пошлины, благоприятствовать торговым связям, а уж тем более – создать зону свободного товарообмена. В действительности все происходило ровно наоборот. И даже когда присоединение к Блокаде являлось, казалось бы, формальным требованием, вытекающим из политических соглашений, договаривающиеся стороны очень скоро приходили к осознанию того реального смысла, который Наполеон всегда вкладывал в свою подпись. Самым ярким примером в этом плане можно считать Россию после Тильзита, чьи порты и сельское хозяйство пришли в окончательный упадок. В те же условия был поставлен и Рейнский союз, хотя он считался более надежным союзником¹³. Запрещая ему торговать с Англией, император содействовал росту цен, разорению прибрежных районов и отраслей промышленности, зависящих от первичного сырья. Расстройство экономик, которые могли бы быть вполне процветающими

¹³ *Dufraisse R.* Politique douanière française, Blocus et système continental en Allemagne // Revue du Souvenir napoléonien. 1993. № 389. Juin–juillet. P. 5–23.

ми, усугублялось также принудительным по существу обязательством иметь торговые сношения только с Францией.

Наконец, как отмечает Сильвия Мардзагалли, «Континентальной блокаде не хватало фундаментальной составляющей успеха любой экономической программы: консенсуса участников»¹⁴. Добавим, что ей не хватало также наличия реальных выгод для экономик подчиненных стран. А следовательно, их правители не могли слишком долго мириться с этим дополнительным и весьма болезненным средством утверждения французской гегемонии.

3. Провал «федеративной» мечты

Как гласит поговорка, в дипломатических отношениях нет друзей, есть только интересы. Защищая исключительно интересы Франции, император тем самым отвратил от себя даже самых преданных своих союзников, для которых союз с ним лишился всякой пользы. Его внешнеполитическая деятельность не отличалась гибкостью или хотя бы спокойным анализом преимуществ и недостатков. В его оправдание скажем лишь, что для упрочения какого-либо союза, несомненно, нужны время и стабильность. А их у Наполеона не было. Война (которую ему повсюду приходилось вести) и постоянные изменения (характерная особенность истории наполеоновской системы) не дали вызреть заключенным соглашениям. Лишь австрийский опыт, казалось, должен был принести свои плоды. Союзные отношения длились три года и имели шансы стать прочными, поскольку интересы обеих держав если не переплетались, то, во всяком случае, в целом совпадали. Однако военные поражения и упорное нежелание императора извлечь из них уроки вкупе с его отходом за Рейн подорвали и этот альянс, который мог бы стать наилучшим решением для наполеоновской системы.

У наполеоновской системы имелся непримиримый противник. Ей пришлось столкнуться с другой концепцией европейского устройства – концепцией баланса сил, инициатором и проводником которой была Англия.

Последняя не могла допустить, чтобы одна господствующая империя заменила собой на континенте равноправный (разумеется, чисто теоретически) концерт средних держав, не мешающих ее торговле. Именно для того, чтобы предотвратить такое доминирование, Англии пришлось превратиться в «наследственного врага» Франции. На

¹⁴ См.: *Marzagalli S. Le Blocus continental pouvait-il réussir ? // Napoléon et l'Europe. Regards sur une politique.* P., 2005. P. 114.

тот момент эти две державы с передышками находились в состоянии войны уже более ста лет: война Аугсбургской лиги (1688–1697), Война за испанское наследство (1701–1713), Семилетняя война (1755–1763), Американская революция (1776–1783), Французская революция (с 1793 г.)¹⁵. Причем континентальные державы выходили из конфликтов победителями крайне редко, что должно было послужить уроком или хотя бы предостережением. Стратегической ошибкой Наполеона, несомненно, было то, что он не искал компромисса с Лондоном. Каким бы хрупким ни оказался Амьенский мир (1802–1803), но он показал, что такая перспектива не была невозможна. Перспектива соглашения намечалась и в 1806 г., но опьяненный успехом под Аустерлицем император не пошел на переговоры, предложенные слабым английским правительством. Больше такого шанса уже не представилось. Хуже того, в результате установления Континентальной блокады и последующего вторжения в Португалию и Испанию Французская империя прошла, по мнению британцев, точку невозврата. Отныне борьба шла не на жизнь, а на смерть.

Наполеоновские войны были по сути своей франко-английскими войнами, но на суше их вели другие континентальные державы – так сказать, «по доверенности».

С точки зрения Лондона эти конфликты носили *сугубо* экономический характер¹⁶. Хотя французские предприниматели также были заинтересованы в европейской и мировой торговле, правительство империи избрало путь, отличный от английского: оно хотело добиться господства в экономической сфере (и ликвидировать отставание) политическими средствами, за счет территориальных приобретений, что делало задачу невыполнимой и означало непрекращающиеся войны. То «превосходство Англии над Францией», о котором писал Франсуа Крузе в сборнике своих статей, посвященном соперничеству двух наций, было обусловлено не чем иным, как ясностью ее – Англии – целей и средств¹⁷. Планы англичан были не менее гегемонистскими, чем планы Наполеона. Но они отличались от последних по своей природе. У Англии не было никаких территориальных притязаний на материке. Она желала лишь иметь возможность контролировать состояние дел,

¹⁵ Пьер Гаксот блестяще описывает этот период, окончившийся битвой при Ватерлоо, называя его «второй Столетней войной»: *Gaxotte P. Le siècle de Louis XV. P., 1997. P. 191–196.*

¹⁶ Этот аспект тщательно анализирует и разъясняет Пьер Бранда в последней части своей работы: *Branda P. Le prix de la gloire. Napoléon et l'argent. P., 2006.*

¹⁷ *Crouzet F. De la supériorité de l'Angleterre sur la France. L'économique et l'imaginaire. XVIIè- XXè siècles. P., 1985 (2è éd., 1999).*

устранить слишком могущественного конкурента и восстановить свободу торговли с европейскими рынками. Для этого крупнейшие порты Западной Европы должны были оставаться открытыми и уж, во всяком случае, выйти из-под контроля французов. Вне материка она рассчитывала устранить одного за другим своих конкурентов в колониальных делах: первоочередной целью войны было уничтожение французской и голландской колониальных империй на Антилах и в Индийском океане. Альбиону, прочно укрепившемуся на своем острове, чувствуящему себя надежно защищенным от угрозы вторжения благодаря неоспоримому превосходству своего флота, нужно было всего лишь проявить терпение и стойкость. Британская олигархия, по сути своей антидемократическая, чуждая передовых идей, а при необходимости – и жестокая (как внутри страны, так и за ее пределами), имела на руках все козыри, отличаясь при этом не меньшим цинизмом и еще большим прагматизмом, чем ее противник. Силы, пришедшие в движение на континенте, в конце концов, подтвердили ее правоту. Она содействовала их появлению или усугубляла последствия их действий за счет своих финансовых средств. Англия – и это важно подчеркнуть – выиграла войну не на «экономическом поле», а «экономическими средствами».

«Империя, как пишет Жан Тюлар, обречена на гибель»¹⁸. Со своей стороны, Жан-Батист Дюрозель, известный французский историк, специалист по международным отношениям, также считает, что «любая империя в конце концов погибает», объясняя это действием факторов, многие из которых применимы и к зданию, возведенному Наполеоном¹⁹:

– *Великая держава в состоянии сама обеспечить свою безопасность перед лицом любого отдельно взятого противника. Это в полной мере относится к Французской империи, выигравшей все «двусторонние» конфликты и победившей малые коалиции, что показали события 1805, 1806, 1807, 1808, 1809 гг. и даже, в некоторых отношениях, начала 1812 года. Однако Наполеон не сумел сохранить свое превосходство над противником в самый ответственный момент, то есть после отступления из России. Эта ошибка имела тем более серьезные последствия, что мощь его армий была сильно подорвана катастрофой.*

– *Завоевание территорий малых и средних государств или периферийных территорий больших государств предполагает систему*

¹⁸ Tulard J. Introduction // Les empires occidentaux de Rome à Berlin. P. 12.

¹⁹ Duroselle J.-B. Tout empire périra. Théorie des relations internationales. P., 1992. P. 272–273.

компенсаций. Наполеон нарушил это правило. Он, конечно, предоставлял какие-то репарации или компенсации второстепенным союзникам (Баварии или Саксонии), но не хотел превращать данную практику в систему для других, более значимых держав, как об этом свидетельствует, в частности, его лавирование в вопросе о разделе европейских владений Османской империи, столь сильно раздражавшее Россию и Австрию, или его нежелание прояснить свою позицию в польском вопросе. Государства-сателлиты все чаще отвергали способ функционирования, установленный господствующей державой в одностороннем порядке. Отрицательные последствия постоянного урезания их независимости в конце концов превысили преимущества, которые давала принадлежность к системе, от чего последняя утратила свою прочность.

– *Если крупная держава пытается обеспечить свою гегемонию, то это приводит к созданию против нее коалиций, которые в конце концов всегда одерживают верх.* Это «правило» всегда предполагало, что те, кто попытался заменить европейский баланс сил какой-то иной системой, должны быть уничтожены альянсом других держав. Подобный горький опыт уже имел Людовик XIV. Разбитый последней коалицией, объединившей против Франции большинство держав европейского континента, Наполеон разделил печальную участь короля-солнца и вдовца, в качестве дополнительной санкции, был лишен трона. Та же судьба постигнет Вильгельма II и Германию в 1918 г. Конечно, материковой Европе объединение далось нелегко, тем более что наполеоновская Империя одно время считалась другими державами полезной с точки зрения удовлетворения их традиционных амбиций, будь то русско-австрийский антагонизм в центре и на востоке Европы, соперничество немецких земель, гегемонистские поползновения стран Северной Европы в связи с обострившейся конкуренцией Швеции и Дании, торговые войны и др. А значит, каждая из держав, со своей стороны, долгое время искала сделки с гегемоном. Это было своеобразной игрой «кто кого перехитрит» с собственным окружением, которое Наполеон неизменно хотел контролировать в своих интересах. История (и не только история наполеоновской системы) показала нам: нельзя построить и объединить Европу гегемонистской силой.

К этим трем простым эмпирическим «законам», заимствованным у Дюрозеля, можно было бы прибавить еще один, косвенно вытекающий из трех предыдущих: империи в итоге всегда умирают из-за кризиса своей экономики и финансов, когда те расходуются на военные нужды

*сверх допустимого уровня*²⁰. Могущество Французской империи в значительной мере зависело от ее военной мощи, а та, в свою очередь, – от наличных материальных благ, как произведенных, так и конфискованных. Доля ресурсов Империи, поглощаемых развитием или сохранением гегемонии, неуклонно росла – как в результате увеличения расходов, так и в силу уменьшения поступлений. В конечном счете она погибла от финансового удушья, от эрозии пресловутого «нерва войны».

* * *

Заключительный акт Венского конгресса положил конец наполеоновской системе. Эта империя, рожденная в тот момент, когда республиканские армии собирались «принести свободу миру», казалась вначале оправданной гуманистическим желанием трансформировать общественное устройство Европы, находившейся под властью Старого порядка. Но затем простота этого расклада была нарушена – как в силу внутренней подоплеку событий (жирондисты против монтаньяров, теория естественных границ, потребности Директории в звонкой монете и т. д.), так и под воздействием внешних факторов (возвращение на первый план традиционной политики, в основе которой лежало соперничество между державами). Крайняя сложность и даже запутанность идейных подходов упростилась через два-три года после того, как у руля встал Наполеон. И тогда на смену стремлению освободить народы пришла одержимость новой «европейской системой».

В конце эпопеи европейские державы даже разыграли зрелищный спектакль, изобразив, что они видят в императоре французов лишь «разрушителя свобод, и заявив о своей преданности оным и о своем долге отныне служить их верным оплотом»²¹.

В двух фразах Меттерниха, упрощающих суть дела, но вместе с тем многое проясняющих, дается очень емкая характеристика наполеоновской системы: «Французская революция была прежде всего социальной; именно в этом состоял ее особый характер на начальном этапе. Политический же характер, нашедший свое наиболее полное выражение в Наполеоне, поначалу вовсе отсутствовал»²². Система, таким образом, была *политической*, в том смысле, что она прежде всего предназначалась для установления французского господства в Европе и за ее пределами.

²⁰ Эта мысль была блестяще развита Полем Кеннеди, см.: *Kennedy P. Naissance et déclin des grandes puissances*. P., 1989.

²¹ *Villat L. La Révolution et l'Empire. II. Napoléon (1799–1815)*. P., 1947. P. 333.

²² *Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich*. P., 1880. T. 1. P. 206.

Четыре последних года наполеоновского правления свели систему к тому, что было однозначно воспринято другими державами как установление безраздельного господства исключительно в интересах Франции. Реакция других актеров не заставила себя ждать: последняя коалиция объединилась вокруг идеи о том, что настало время вернуться к некоей форме европейского равновесия, которое, по общему мнению, позволяло обеспечить мир в Европе на протяжении второй половины XVIII в. В то время как Россия понимала, что правление Наполеона закрывает перед ней двери на Запад и губительно сказывается на ее экономике, в то время как Австрия, ностальгирующая по Священной Римской империи, усматривала в гипертрофии Франции риск быть отброшенной к своим восточным окраинам, в то время как Пруссия продолжала переживать свое унижение под Йеной, а средние державы, в частности немецкие, полагая, что избавились от территориальных притязаний своих старых германских соседей, уже начинали тяготиться игом властолюбивого протектора, – император французов (если, конечно, он осознавал растущую опасность) никак не менял своего поведения. Он продолжал наступление, не объясняя толком, как далеко распространяются его аппетиты.

Французское господство стало невыносимо для других актеров, подстрекаемых Англией. Каждый со своей стороны был убежден, что восстановить условия такой международной жизни, которую можно было бы назвать «многосторонней», уже не представляется возможным и что в игре «кто кого перехитрит» победитель всегда один и тот же, не говоря уже о проигравших. Понятие равновесия связано с понятием независимости различных государственных образований, но система Наполеона была слишком враждебна к любым проявлениям независимости и даже нейтралитета. Так составила последняя коалиция, внутри которой единственным общим интересом было стремление покончить с Французской империей и ее вдохновителем, выиграть заключительную войну, несмотря на все разногласия. Как писал Реймон Арон, «бывает, что временные союзники на самом деле являются вечными врагами»²³. Именно такое зрелище являл собой альянс против Наполеона в 1813 г.

И хотя император французов не всегда был единственным виновником конфликтов, здесь нужно констатировать, что в финале, коль скоро он был повержен, он оказался неправ перед лицом Истории. Имперское здание было сокрушено, а вместе с ним и превосходство Франции. Из на-

²³ Aron R. Paix et guerre entre les nations. P., 1982. P. 40.

полеоновской катастрофы родилось новое равновесие сил, основанное, с одной стороны, на том, что англичане называют *balance of power*, с другой – на убеждении в том, что европейский концерт должен управляться входящими в него державами совместно, причем в духе консерватизма и с целью коллективного урегулирования конфликтов. Этому принципу, несмотря на его антидемократическую сущность (усиление государств происходило за счет усиления правящих династий), была суждена долгая жизнь.

В 1814 году от наполеоновской системы ничего не осталось. Наполеон оставил Францию в меньших размерах по сравнению с тем, какой он ее получил. Но как мы знаем, его основное наследие – это отнюдь не европейская система, а нечто другое и при этом гораздо более глубокое.